

РОЗИН ВАДИМ МАРКОВИЧ

Главный научный сотрудник
Института философии РАН, Москва, Россия.
Доктор философских наук, профессор.

E-mail: rozinvm@gmail.com

УДК 303.425.2

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТА КАК ВИД ГУМАНИТАРНО-СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (на материале двух проектов)

Аннотация. В статье ставится вопрос о природе гуманитарно-социальной экспертизы. Автор разбирает два кейса: социально-экологическую экспертизу предприятия Белорусскалий, предложения которой не были реализованы, и удачный социальный проект «Развитие массового безвозмездного донорства». Анализ и сравнение этих кейсов позволяет утверждать, что необходимыми условиями эффективной гуманитарно-социальной экспертизы выступают следующие моменты. Методологическая реконструкция социальных проектов. Анализ в рамках этой реконструкции, с одной стороны, объективных условий, которые стремились заложить в проекте и обеспечить его авторы, с другой – реализуемых ими при этом гуманитарных установок и технологий. С третьей стороны, подобная реконструкция предполагает анализ не только сознательных преобразований, замысленных в социальном проекте, но и процессов самоорганизации субъектов, заинтересованных в успешной реализации проекта.

Ключевые слова: экспертиза, проект, реализация, условия, знания, методология, самоорганизация, действие, преобразование.

© Розин В. М. 2019

Vadim M. Rozin

Institute of Philosophy of RAS, Moscow, Russia

E-mail: rozinvm@gmail.com

METHODOLOGICAL ANALYSIS OF SOCIAL PROJECT AS TYPE OF HUMANITARIAN SOCIAL EXPERTISE (on the material of two projects)

Abstract. The article raises the question of the nature of the humanitarian and social expertise. The author examines two cases: a social and environmental assessment of the Belorusskali enterprise, whose proposals were not implemented, and the successful social project "The Development of Mass Gratuity Donation." Analysis and comparison of these cases suggests that the following are the necessary conditions for effective humanitarian and social expertise. Methodological reconstruction of social projects. Analysis within the framework of this reconstruction, on the one hand, the objective conditions that the authors sought to lay in the project and ensure, and on the other hand, the humanitarian installations and technologies implemented by them. On the third hand, such a reconstruction involves the analysis of not only conscious transformations conceived in a social project, but also the processes of self-organization of subjects interested in the successful implementation of the project.

Keywords: expertise, project, implementation, conditions, knowledge, methodology, self-organization, action, transformation.

DOI: 10.32691/2410-0935-2019-14-138-162

Вначале имеет смысл обсудить, что такое гуманитарная экспертиза. Очевидна её связь с социальной тематикой, поскольку большинство современных проблем, касающихся человека, обусловлены социальными условиями и контекстами. В. А. Луков в статье «Гуманитарная экспертиза: от теории к практике» замечает, что «задачи гуманитарной экспертизы оказываются в сложной связи с задачами экспертизы социальной (социокультурной) и правовой» [Луков 2006]. Поэтому, вероятно, лучше говорить не о гуманитарной, а гуманитарно-социальной экспертизе.

В принципе, под гуманитарно-социальной экспертизой можно понимать две разные вещи. С одной стороны, это экспертиза, задача которой заключается в таком анализе некоторой практики или области деятельности, в которой выявляются риски и проблемные последствия для человека. С другой стороны, эта экспертиза связана с задачами, которые связаны с использованием знаний и методов гуманитарной науки. Но особенности гуманитарного подхода и науки (анализ текстов и стоящей за ними личности, проведение позиции и ценностей исследователя, «предоставление голоса исследуемому» (М. М. Бахтин) и ряд других, рассмотренных в нашей работе [Розин 2009: 127–135]), довольно трудно соотнести с указанной постановкой задачи.

В предыдущей статье, посвящённой анализу связи экспертизы и гуманитарных технологий (а социально-гуманитарную экспертизу можно помыслить как один из типов такой технологии), я ставлю такой вопрос: как быть с личностью и уникальностью, характерными для гуманитарного подхода? [Розин 2017б] И отвечаю следующим образом. Хотя личность и уникальность в технологию ввести невозможно, тем не менее, для них можно предусмотреть функции

ональное место, а также рассматривать не «уникальную личность», т. е. такую, поведение которой не представляется возможным предсказать, а «личность массовую», для которой характерны определённые конечные варианты поведения, поскольку такая личность всегда действует в поле заданных культурой социальных условий (а они определены и конечны)¹.

При всей проблематичности гуманитарно-социальной экспертизы, я предполагаю, что один её вариант всё же достаточно осмысленный. А именно, когда речь идёт о методологическом анализе. При этом наиболее подходящим в данном случае выступает методологический подход, который я назвал «методологией с ограниченной ответственностью» [Розин 2017а], ориентированный как раз на гуманитарные и культурологические формы мышления. Дальше в рамках этого подхода я проанализирую два кейса: один относится к неудачному социальному проекту, поскольку он так и не был реализован, а второй – к успешному.

Первый кейс. Социально-экологическая экспертиза деятельности предприятия «Белорусскалий».

В середине 80-х годов Институт философии АН СССР (сектор «философии техники», который я тогда возглавлял) договорился с Госпланом Белорусской ССР о проведении в Солигорском промышленном районе независимой социально-экологической экспертизы. В этом районе, начиная с 1960 года, действует самое крупное в Европе предприятие по производству калийных удобрений – производственное объединение «Белорусскалий».

ПО «Белорусскалий» в то время подчинялось Минудобрений СССР. Оно приносило государству прибыль на сумму примерно 40 млн. инвалютных рублей, получало назад на свои нужды менее 1 млн. Производство калийных удобрений на ПО «Белорусскалий» требует больших затрат энергии и включает три основных технологических звена: 1) добыча и извлечение руды; 2) обогащение и переработка руды в удобрения; 3) складирование отходов. Добыча руды по технологии была не селективной, осуществлялась не тоннельным или камерным способом, в результате чего в зоне шахт оставались большие пустоты. В свою очередь, это ведёт к проседанию земной поверхности над выработанными штольнями, в результате чего происходит заболачивание, затопление и подтопление земель. Принятая технология ведёт к потерям 60-70% руды и образованию на поверхности земли твёрдых и жидких отходов. Складирование на поверхности отходов, содержащих большой процент солей, вызывает засоление сельскохозяйственных угодий. Часть солей вымывается дождём и снегом из терриконов, другая просачивается из шламохранилищ.

Но почва здесь не только засолена, она также засорена дымовыми пылегазо-выбросами с обогатительных фабрик. Образование большого количества многокомпонентных пылегазовых выбросов приводит также и к загрязнению воздушного пространства. В районе добычи засоливаются не только почвы, изменяется химический состав подземных и поверхностных вод (увеличение содержания хлоридов калия и натрия, нарастание минерализации, общей жёсткости воды). Меняется состав воды и в Солигорском водохранилище. В марте 1984 года имел место прорыв дамбы шламохранилища и перелив шламов с рассолами в отстойник, расположенный в 350 метрах от водохранилища.

¹ О различии типов личности см.: [Розин 2016].

В случае обильных дождей или порчи отстойника рассолы могли попасть и в само водохранилище, в результате чего могла случиться экологическая катастрофа.

С начала 80-х годов в республиканской и общесоюзной печати появилось несколько статей, в которых ситуация в Солигорском районе оценивалась как катастрофическая, причём не только для самого района, но и для республики в целом, а также для других регионов, связанных с Солигорским районом водными путями. Когда ПО «Белорусскалий» только было создано, в Госплане БССР приступили к изучению ситуации и разработке предложений, направленных на изменение ситуации. К сожалению, намеченные мероприятия не реализовывались в течение многих лет или реализовывались в минимальных размерах. Так, ТЭО системы мероприятий по защите природной среды не было утверждено. Государственная экспертная комиссия при Госплане СССР оба раза аргументировала отклонение ТЭО отсутствием безотходных методов производства или перспективных методов утилизации отходов, а также отсутствием специализированных организаций по проведению необходимых работ. Предложение перейти к селективной добыче отклонялось, поскольку в СССР не было соответствующих горных комбайнов, а более совершенная техника, производимая в ФРГ, стоила слишком дорого. Закачка солевых отходов в глубокие скважины начала осуществляться, однако составляла незначительную долю производимых шламов. Хотя в стране было всё необходимое для запуска производства гранулированных удобрений на основе торфа и шламов, Минудобрений СССР не принимало по данному вопросу чётких решений. Проектирование и строительство на ПО «Белорусскалий» установки по производству глино-солевых порошков год от года откладывалось. Более того, Минудобрений СССР срезало наполовину объём средств, выделяемых на природоохранные мероприятия. Не отставали и другие ведомства: например, Министерство мелиорации и водного хозяйства БССР не согласовало ни один из предложенных вариантов природоохранных мероприятий. Существующая в то время ведомственная организация управления, низкая степень приоритетности природоохранных мероприятий, отсутствие настоящего хозяина и адекватного общественного самосознания сводили на нет все усилия, направленные на изменение ситуации.

Исходя из создавшегося положения, я, отвечающий за проведение социально-экологической экспертизы, проанализировал ситуацию, уточнил цель и задачи экспертизы. Конечно, должна быть дана оценка сложившейся экологической ситуации в районе и последствий, связанных с её ухудшением. Однако главным всё же являлось другое: нужно было *определить долгосрочную политику*, учитывающую разнообразные интересы, степень запущенности ситуации, отсутствие средств и т. п. Экспертиза осуществлялась несколькими группами специалистов по пяти направлениям (проектам). Вот их краткое содержание.

Экологический проект. Согласно научным прогнозам, если добыча и производство калийных удобрений будут сохранять свой объём и масштаб, а технология добычи и переработки существенно не изменится, то, очевидно, Солигорский район в ближайшем будущем ожидает экологическая катастрофа. Её приближение ускоряют следующие обстоятельства:

продолжающееся опускание почвы, которое может распространиться и на город; резкое увеличение объёма шламонакопителей в связи с применением изоляционных пленок (раньше значительная часть соляных растворов просачивалась в почву);

засоливание подземных источников воды вплоть до глубоких горизонтов, в результате чего «Белорусскалий» превращается в угрозу для других регионов;

выброс в атмосферу большого числа вредных веществ, а также тепла.

По оценкам некоторых специалистов, еще 10-15 лет – и район в экологическом отношении будет полностью загублен. В ближайшее время суммарный ежегодный эколого-экономический ущерб от загрязнения всех сред составит 57-61 млн. рублей (в советских ценах середины 80-х годов XX века!). Суммарный интегральный ущерб составит 710–930 млн. руб.

Проект разработки нового хозяйственно-экономического механизма.

Основная цель этого проекта – наметить варианты построения такого хозяйственно-экономического механизма, в котором бы не блокировались принимаемые решения и предложения, а предусматривались возможности для изменения существующей технологии добычи калийных солей (с целью уменьшения количества отходов, обеспечения их рациональной утилизации и переработки и т. д.), выделялись бы необходимые средства для оздоровления ситуации.

В рамках проекта хозяйственно-экономического механизма были осуществлены: предварительный прогноз потребностей в калийных солях; рассмотрена политика цен на минеральные удобрения с учётом платежей за природопользование и проведение комплекса природоохранных мероприятий; проанализировано финансовое положение производственного объединения при сохранении существующей политики цен; рассмотрены возможные способы организационно-экономического обеспечения деятельности по нормализации экологической обстановки (вопросы платы за ресурсы, штрафы за загрязнение, предложение создать фонд социально-экономического развития района, рекомендации изменить систему размещения калийной промышленности в СССР, создать предприятия с широким привлечением зарубежных партнеров).

Технологический проект. Данный проект должен был подготовить почву для предложений, нацеленных на модернизацию существующей технологии. К числу первоочередных задач были отнесены следующие:

а) анализ и оценка существующей технологии и трёх её основных указанных выше измерений (характер самой технологии добычи; характер исследований, проектов инженерной деятельности, механизмов внедрения; характер инфраструктур);

б) характеристика альтернативной или более совершенной зарубежной и отечественной технологии добычи и переработки отходов;

в) разработка такой технологии, которая включала бы в себя природоохранные меры и модернизацию самой технологии. Понятно, что второй и третий проекты тесно связаны между собой: хозяйственно-экономический механизм задаёт для технологии определённые инфраструктурные требования. Реализация технологического проекта была осуществлена главным образом в части оценки недостатков существующей технологии, анализа предложений по её изменению, обсуждения обстоятельств, препятствующих реализации этих предложений.

Социальный проект. Переход на любые формы хозрасчета, восстановление и охрана природы, модернизация технологии невозможны без задействования человеческого фактора, инициативы отдельных работников и групп специалистов, создания общественных фондов и проектов, общественных

движений, программ социального и культурного развития. Задача социального проекта заключалась в том, чтобы подготовить почву для всего этого: выявить инициативные группы, сформировать проекты общественных фондов и движений, продумать способы инициации разных общественных групп, наметить программы социального и культурного развития. Естественно, что в реализации социального проекта должны принять участие все основные заинтересованные субъекты территории (население, региональные и республиканские органы управления, школа, учёные, СМИ и т. д.). Однако разработка социального проекта должна опираться на все остальные проекты и в этом плане может начаться несколько позднее. Предварительно было проанализировано отношение разных субъектов территории к социально-экологической ситуации в Солигорском районе.

Инновационный проект. Решение всех перечисленных выше задач с методологической и социологической точек зрения представляет собой сложный инновационный процесс, а не просто организационную перестройку (какой бы масштабной она ни была). Такой процесс предполагает специальное управление и обеспечение (научное, проектное, организационное, ресурсное). Инновационные процессы имеют свои закономерности и стадии, свои движущие силы и группы сопротивления или поддержки. Чтобы нововведения были успешными, необходимо создание специального штаба (группы, команды), включающего помимо инициаторов нововведений таких специалистов, как экономисты, технологи, социологи, экологи, методологи, специалисты по теории управления и организации. Одна из задач подобного штаба – разработка инновационных стратегий, другая – обеспечение нововведений необходимыми знаниями, разработками, информацией.

В 1995-1996 гг. я участвовал и в другом похожем социальном проекте, который нам заказала Администрация Ханты-Мансийского АО, причём этот проект был признан Министерством культуры РФ образцовым [Розин 1993]. Но и он не был реализован. Спрашивается, почему? Что показали белорусская экспертиза и проект, а также другие общественные экспертизы, проведённые в связи с ситуациями Байкала, Аральского моря, Белоярской АЭС, городов Одессы, Москвы? С одной стороны, можно отметить определённый положительный эффект: была дана оценка экологической и социально-экономической ситуации в каждом случае, проанализированы проблемы, возникающие в связи с ситуациями в этих регионах и городах, намечены предложения, направленные на изменение ситуации. Один из результатов – формирование в некоторых случаях общественного мнения и общественных групп (особенно там, где экспертиза включала проведение орг.-деятельностных игр, ОДИ), заинтересованных в решении социально-экологических проблем определённого региона (города) и готовых их решать по-новому, нетрадиционно.

С другой стороны, нельзя не отметить, что рекомендации и предложения, содержащиеся в материалах экспертиз, в большинстве случаев не были реализованы. Более того, сами участники и разработчики экспертизы отчасти понимали нереализуемость своих предложений. Этому были несколько причин.

Во-первых, как правило, заказчики экспертизы не являлись полноценными хозяевами соответствующих природных комплексов, районов, городов, предприятий. Нередко здесь вообще не было одного основного хозяина, а подчинение многим ведомствам, имеющим различные интересы, означало отсут-

ствие единого субъекта управления. Если же нет единого субъекта управления и хозяйствования, то некому и реализовывать предложения, поскольку никто в них не заинтересован. Во-вторых, анализ подобных ситуаций показал, что дело не в злой воле отдельных людей, даже не в низкой квалификации специалистов и культуре труда, а в самой системе хозяйствования, в существовавших в то время социально-экономических отношениях. Другими словами, дело в системе (отсутствии рыночных отношений, самостоятельных субъектов хозяйствования, возможности самостоятельно распоряжаться своей прибылью, негибкости системы централизованного планирования и т. д.). Именно поэтому рекомендации по изменению создавшихся ситуаций оказывались нереализуемыми; система успешно гасила любые новации, не вписывавшиеся в неё, противоречащие её принципам.

Сходная ситуация наблюдалась и в отношении Белоруссии. Здесь не оказалось полноценного заказчика и хозяина, а интересные рекомендации экономистов предполагали смену хозяйственно-экономического механизма, к чему Республика, район и предприятие в то время не были готовы.

В исторической перспективе этот результат можно осмыслить так: в рамках социальной инженерии так и не удалось решить задачу, поставленную ещё Платоном в «Государстве» – создать контролируемую целенаправленную процедуру социальных преобразований. На одну из причин этого указал сам Платон, говоря: всё это точно искусная «лепка государства и граждан из воска» [Платон 1994]. Дело в том, что научно-инженерный подход при любом его совершенствовании, даже включении в процесс проектирования всех заинтересованных лиц, всё же исходит из того, что социальный реформатор – это социальный инженер, своего рода демиург, а социальная жизнь – пассивный объект приложения усилий этого демиурга; что социальные науки могут описать законы социальной жизни, а социальный проектировщик, опираясь на них, может оптимизировать социальную жизнь или создать её новые формы. В своё время М. Фуко разделял установку К. Маркса относительно возможности переделки мира: «Что разум испытывает как свою необходимость, или, скорее, что различные формы рациональности *выдают* за то, что является для них необходимым, – из всего этого вполне можно написать *историю* и обнаружить те сплетения случайностей, откуда это вдруг возникло; что, однако, не означает, что эти формы рациональности были иррациональными; это означает, что они зиждятся на фундаменте человеческой практики и человеческой истории, и, поскольку вещи эти были *сделаны*, они могут – если знать, как они были сделаны, – быть и *переделаны*» [Фуко 1996: 441]. Именно такая *тотальная* социально-инженерная установка не только вдохновляла К. Маркса, но и продолжает направлять многих современных реформаторов. Но весь исторический опыт социальных реформ показывает, что эта установка неверна.

Второй кейс. Проект «Развитие массового безвозмездного донорства» [Розин, Малявина, Грязнова 2010].

Наряду с представлением об управлении предприятиями и учреждениями вполне можно говорить об управлении социальными процессами, например, поведением избирателей, изменением установок массового сознания, перемещением мигрантов и др. Не является здесь исключением и поведение доноров, а также граждан, которые могут стать таковыми при определённых

условиях. Правда, говоря об управлении социальными процессами, стоит пояснить, что авторы понимают под этим. С одной стороны, под управлением социальными процессами нужно иметь в виду *социальные практики и воздействия*, т. е. сознательную деятельность, предполагающую преобразования. С другой – *изменения*, происходящие в результате этих воздействий и деятельности, причем *идущие в задуманном направлении*. Общеизвестной особенностью социальных процессов выступает та, что составляющие их события обязаны человеку, он же – одна из причин социальных трансформаций. Не должны ли мы тогда сделать вывод, что управление социальными процессами предполагает воздействие на сознание людей, изменение их представлений и видения, происходящие под влиянием таких усилий?

Как правило, изменять представления и видение людей нужно в связи с проблемами, безотлагательно требующими своего разрешения. Если говорить конкретно о данном проекте (будем его кратко называть «Донор»), то в этом случае такой проблемой выступила острая потребность в реформировании службы крови, осознаваемая всеми заинтересованными субъектами (врачами, министерством здравоохранения, правительством, НКО, общественностью). В России с 90-х годов начало падать число доноров, дойдя к 2007 году до 11 человек на 1000 донороспособного населения (в то время, как в Европе – 40 чел., а в США – 60 чел. на 1000). Причин этому много, в том числе давно не переоборудовались станции переливания крови (СПК), они не отвечали современным требованиям; донорство утратило свой высокий социальный статус и т. п.

Следующий естественный вопрос: какие представления нужно менять для решения возникшей проблемы. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо ***знать особенности явления***, по поводу которого эта проблема стоит, причем конкретно в ситуации «здесь и сейчас». Поэтому ставится задача – проанализировать явление (в данном случае феномен донорства) и ситуацию, в которой указанная проблема возникла. Однако явление нам даётся не вообще, а таким образом, которое позволяет разрешить проблему. Характеристики и ситуации можно выделить в сложном социальном явлении разные и по-разному. Таким образом, первое затруднение, с которым столкнулись авторы проекта, заключалось в том, что ***им не был неизвестен по своему строению сам объект проектирования***.

Это первое затруднение. Одно из направлений его разрешения состоит в том, чтобы дать *анализ явления с точки зрения его возможных изменений и трансформаций*, которые должны произойти в результате продуманных воздействий. Например, нетрудно предположить, что поведение доноров может измениться в желательном направлении в случае замены устаревших станций переливания крови современными (снимется страх заразиться чем-нибудь), а также кардинального изменения смысла самого донорства как индивидуальной ценности и важного момента образа жизни. Дальше мысль выходит на другие, связанные с данными, явления и процессы: чтобы заменить устаревшее оборудование, нужны большие финансовые вложения, позволяющие купить за рубежом современные технические станции переливания крови; чтобы изменить смысл и понимание донорства, необходимо, с одной стороны, преодолеть уже существующее отрицательное отношение к донорству, с другой – представить его для населения в привлекательном и желательном виде. Но чтобы решить перечисленные задачи, нужно проделать ещё ряд действий и т. д. Получа-

ется, что для решения исходной проблемы необходимо выделить и проанализировать целый ряд социальных явлений и процессов, которые затем нужно организовать и реализовать в социальной действительности. Спрашивается, как это сделать? Можно считать это вторым затруднением. В плане проектирования речь идёт о том, что **нужно было определить основные процессы, подлежащие формированию.**

В общем случае его разрешение предполагает проведение процедур *социо-гуманитарных исследований* и *социального проектирования*, скоординированных между собой и работающих друг на друга. В чём особенность социо-гуманитарных исследований? Они имеют дело с изучением поведения людей (индивидуального, группового, массового), необходимостью разрешить определённые экзистенциальные проблемы, а также с особым взаимодействием исследователя и исследуемого явления. В данном случае исследователь заинтересован в таком изменении поведения граждан, которое должно привести к резкому увеличению числа доноров (он должен склонить их к такому изменению; это и есть экзистенциальная проблема исследователя). При этом исследование поведения актуальных и потенциальных доноров должно строиться так, чтобы доноры не становились простыми объектами изучения, а вступали во взаимоотношения с исследователем (например, если следовать М. М. Бахтину, то им нужно предоставить голос, который должен услышать и учесть исследователь).

Социальный проект строится с опорой на знания, полученные в социо-гуманитарном исследовании. Но не только. Используются и другие знания и семиотические конструкции: *опытные, гипотетические, прототипы, сценарии* и прочее. В отличие от «традиционного проектирования» (технического и архитектурного), как уже отмечалось, социальное проектирование относится к «нетрадиционному проектированию» [Розин 1986]. Здесь нет знаний, позволяющих, не обращаясь к социальному явлению, смоделировать и сконструировать его в проекте, а затем реализовать этот проект в существующем производстве.

Как показывают исследования, у социальных проектов всегда были два крупных недостатка. Один – *низкая проектосообразность*: социальные проекты или утопичны, нереализуемы, или подменяются общественно узнаваемыми лозунгами, концепциями, программами. Другой – *искажение или выпадение социальных требований, предъявляемых к проектируемому объекту* [Розин 1984]. Реагируя на эти недостатки, социальное проектирование постепенно изменяется: предполагает совместную разработку с заинтересованными субъектами, разработку гибкой культурной политики, социально-педагогический эффект и усилия, запуск (инициацию) различных социокультурных процессов, последствия которых можно предусмотреть только частично.

Для нашей темы принципиально то, что *социальное проектирование может быть рассмотрено как один из инструментов социального управления.* Действительно, реализация социального проекта позволяет создать новые социальные условия, в том числе и такие, которые могут способствовать нужному изменению сознания и видения социальных субъектов. Именно в этом ключе можно осмыслить и проект «Донор». Поэтому это был социальный проект, в котором, в том числе, использовались знания, полученные в социо-гуманитарном исследовании, проект, выступающий инструментом социального управления. С самого начала стоит сказать, что не существует готовой тех-

нологии решения подобных сложных задач. Каждая такая задача достаточно уникальна, и её решение нащупывается в ходе социального проектирования. В данном случае построение и реализация проекта «Донор» не были исключением. Тем не менее, задним числом можно отрефлексировать ходы мысли и логику проектирования с целью выхода на возможную социальную технологию (естественно, что потом её нужно проверять и уточнять на других случаях). Дальше речь идёт о подобной рефлексии.

При разработке проекта «Донор» нужно было минимизировать препятствия, приводящие к выхолащиванию социальных факторов и невозможности реализации социального проекта. К таким препятствиям в общем случае можно отнести: отсутствие у ключевых субъектов заинтересованности в социальных изменениях, низкое финансирование социальных проектов, отсутствие команды компетентных социальных проектировщиков, недостаточность знаний об основных социальных процессах и обеспечивающих эти процессы условиях, невключённость в проектирование заинтересованных социальных субъектов, деятельность ряда чиновников, использующих социальный проект в личных целях, а не по назначению (главным образом, для получения административной ренты – взятки, откаты, создание нужных для получения ренты условий и окружения и прочее)².

Первое препятствие в данном случае отсутствовало, поскольку, как уже отмечалось, основные ключевые субъекты были крайне заинтересованы в реформировании службы переливания крови. Именно поэтому удалось разрешить и второе затруднение. Проект «Донорство» был хорошо обеспечен в финансовом отношении. На его осуществление постановлением Правительства РФ от 21 июня 2008 г. № 465 «О финансовом обеспечении в 2008 году за счет ассигнований федерального бюджета мероприятий по развитию службы крови» было выделено 16 миллиардов руб.

Хотя квалифицированных социальных проектировщиков в России фактически нет, при том что социальное проектирование широко распространено³,

² Не секрет, что деятельность наших предприятий и социальных структур в значительной степени зависит от отношений с властями и чиновниками разных уровней. Эта зависимость обусловлена двумя обстоятельствами: самой природой власти, постоянно стремящейся подтверждать и расширять свой властный потенциал (полномочия), а также желанием получить из своего места и статуса доход (ренту). С одной стороны, чиновник должен поддерживать свой институциональный статус, изображая эффективную работу (поскольку именно его место приносит доход), с другой – он изобретает схемы, позволяющие так трансформировать свой статус и место, чтобы они давали ренту.

Примерами таких схем являются откаты, расширение контролируемых функций, откладывание под разными предлогами принятия решений и другие. С. Б. Мирзоев показывает, что речь чаще всего идёт не об отдельных случаях получения незаконного вознаграждения за работу, положенную чиновнику по статусу, а о настоящем «рентостроительстве», когда, чтобы получать из своего места постоянный, а лучше, всё увеличивающийся доход, чиновник лоббирует принятие нужных законов или инструкций, подбирает на нужные должности «своих», устанавливает правила и регламенты, работающие именно на извлечение ренты [Мирзоев 2011].

³ Социальные преобразования в нашей стране сознательно, но чаще бессознательно осуществляются на самых разных уровнях социального действия, начиная от государства в целом, кончая отдельным чиновником. В. Г. Федотова в книге «Модернизация “другой Европы”» пишет, что исторически Россия всегда была модернизирующей страной – от Петра

для разработки и реализации проекта «Донор» удалось сформировать достаточно эффективную команду.

Проект лично курировала Министр здравоохранения и социального развития России Татьяна Голикова (министр с 2007 по 2012 гг.). Еще один важный участник – Федеральное медико-биологическое агентство во главе с Владимиром Уйба. Непосредственной технической реализацией проекта занимались Департаменты Минздравсоцразвития. Кроме того, в проект были включены главные внештатные профильные специалисты министерства, руководители ведущих гематологических учреждений страны, представители общественных организаций. Не последнюю роль в формировании и реализации программы осуществили два методолога (Ю. Б. Грязнова, С. А. Малявина, на тот момент – помощник Министра) с командой специалистов по коммуникациям (в составе отдела по приоритетным коммуникационным проектам министерства).

Стоит обратить внимание на то, что практически все члены команды социального проектирования выступали в двух ролях: как разработчики проекта «Донор» и как потенциальные пользователи донорской крови. И дальше при реализации проекта постоянно шла работа с заинтересованными социальными лицами (медиками, общественными донорскими организациями, СМИ, бизнесом, представителями населения). Тем самым, было обеспечено участие в проекте «Донор» заинтересованных социальных субъектов.

Команда социального проекта «Донор» была интересна ещё в одном отношении – она обладала сильным *административным ресурсом*, облегчавшим реализацию социального проекта. Предложения, исходящие от Минздравсоцразвития и ФМБА, адресованные различным органам власти или общественным организациям, выполнялись охотно и достаточно быстро. В данном случае этот ресурс полностью работал на социальное благо, а не против населения.

Поскольку на разработку и реализацию проекта были выделены большие средства и поскольку можно было предположить, что эгоизм российских чиновников не может быть блокирован никакими гуманистическими соображениями (недостаток крови в стране для чиновников тоже не аргумент), постольку команда разработчиков продумала и реализовала ряд мероприятий, направленных на разрешения указанного препятствия (смена команды управления, перенос финансирования в регионы и др.). Можно заметить, что реализация современных крупных социальных проектов обязательно предполагает продуманные действия, блокирующие деятельность участников проекта или деятельность курирующих проект чиновников, направленные на использование проекта не по назначению.

Теперь по поводу недостаточности социальных знаний, необходимых для разработки и реализации проекта. На первый взгляд, кажется, что *основной*

I, Александра II, большевиков до нынешних реформаторов. И сегодня, отмечает она, Россия не может отказаться от социальных проектов. Но главной проблемой в этой сфере является то, как поставить заслон массовым социальным преобразованиям и изменениям, вызывающим все возрастающий объём негативных социальных последствий. Трагизм ситуации заключается в том, что большинство социальных реформаторов (социальных инженеров и проектировщиков) не отдаёт себе отчета, что их частные, локальные решения, суммируясь и сливаясь на уровне страны в бурный поток, быстро изменяют облик социальной и общественной жизни. Изменения эти не только не совпадают с замышляемыми и декларируемыми целями, но чаще им противоположны. Здесь повсеместно действует формула В. С. Черномырдина: «Хотелось, как лучше, а получилось – как всегда», то есть плохо.

рабочий процесс здесь очевиден: это *сдача крови донорами*. Но почему, спрашивается, население не сдаёт кровь в нужном для спасения и лечения больных количестве? Люди не ходят сдавать кровь по многим причинам: боятся заразиться, нет мотивации, неудобный график сдачи, отталкивают плохо оборудованные службы крови и т. п. Нужно, рассуждали разработчики проекта, добиться, чтобы люди вновь захотели сдавать кровь. Что для этого необходимо сделать? Может быть, организовать компанию, призывая граждан сдавать кровь? Но этот инструмент работает только тогда, когда идёт призывная кампания, рассчитанная всего на 3 года. После неё должны остаться регулярные доноры. Кроме того, на уровне коммуникации можно, действительно, склонить человека сочувствовать донорам, но трудно сделать его самого донором, тем более, возродить донорство в массовом масштабе.

Другое решение – *некоммерческие общественные организации (НКО)*. Ко времени разработки проекта уже работали донорские НКО, но их действия были слишком локальными. Они собирали вокруг себя достаточно узкий круг людей. Вдобавок донорские НКО в основном исповедовали подход, в соответствии с которым донорство – это выбор отдельного человека, факт его личной истории. Подумаем, что человек должен понять, чтобы стать донором? До начала кампании основным ответом работающих с донорами был такой – нужно вызвать у человека чувство сострадания к тому, кому нужна кровь. Однако анализ показывает, что ресурс сострадания у людей быстро исчерпывается. И картинки нуждающихся в крови больных детей очень скоро перестают восприниматься настолько остро, чтобы люди шли сдавать кровь. Тем более массово и регулярно.

Итак, сдача крови в данном случае, вероятно, представляет только верхушку айсберга. Судя по всему, не менее важный процесс – *принятие человеком решения сдавать кровь*. В свою очередь это решение зависит от многих обстоятельств, но главным образом от того, как человек понимает донорство (понимает и с точки зрения социального значения донорства для личности, и с точки зрения условий реализации желания сдать кровь).

Нащупывая правильный путь, разработчики проекта «Донор» рассуждали следующим образом. Чтобы принять решение сдавать кровь, человек должен сказать себе: «Я – донор и это здорово». В разных модусах: я могу быть донором, я должен быть донором. Тем самым, подразумевается новая идентичности человека, причём, эта идентичность должна быть массовой, действовать регулярно. Донорская идентичность не может быть героической, реализованной однократно (если мы говорим про массовый масштаб), регулярной только для выдающихся личностей. Как любая массовая идентичность, она предполагает *других людей и твердые, постоянные социальные условия*. Не идёт ли в данном случае речь о социальном институте? Примерно таким образом разработчики проекта вышли на необходимость институциональной идентификации, к задаче построения института донорства, где донор – лишь одна из фигур. Доноров много там, предполагали они, где донорство существует как социальный институт. Там, где наблюдается сегодня (как, например, в Европе или США) или в прошлом (как, например, в СССР) достаточное для уровня развития современной медицины количество доноров и донорской крови, и одновременно констатируется наличие *социального института донорства*.

Что означает гипотеза о донорстве как социальном институте? То, что на донорство можно перенести основные характеристики института, а, поскольку

ку речь идёт о возобновлении донорства в новых условиях, необходимо учесть и характеристики *становления* социального института. Вот эти характеристики⁴.

В институтах (по Б. Малиновскому) **нужно различать хартию (идею), состав участников, нормы, материальный аппарат, деятельность, функции** [Малиновский 1998]

«Для того, – пишут А. А. Матюхин и В. Г. Марача, – чтобы представить социо-культурный институт – институт-корпорацию сферы права, – необходимо различать следующие компоненты его состава: *институциональную форму* (включающую институциональную **Идею**, слой е` символического закрепления и набор формальных мест, связанных процедурой или процедурами – три верхних элемента схемы), а также *материальные и духовные опоры* (на схеме обозначены буквами «М» и «Д» соответственно). Существование институциональных опор образует основу стабильности института, которая позволяет ему выполнять функции обеспечения устойчивости общества и стабилизации социальной динамики. Наличие у института духовных опор подразумевает укорененность института в духе народа, традициях и т. д., безусловную приемлемость его институциональной формы с точки зрения “нравов” данного народа в данную эпоху» [Марача, Матюхин 2006].

Процесс становления социального института запускается «социальным напряжением», требующим своего разрешения, осознаваемым позднее, при становлении социального института, как вызов, как социальная проблема. Это первая структурная характеристика процесса становления социального института.

Вторая характеристика – *наличие сообществ или популяций, заинтересованных в решении данной проблемы*. Эти сообщества создают и продвигают новобразование, способствуя появлению новых институтов. Как правило, в процессе формирования социальных институтов принимают участие не одно заинтересованное сообщество, а два-три.

Следующая характеристика процесса становления – *изобретение средств* (новых схем и процедур), позволяющих разрешить проблемную ситуацию.

Четвертая, возможно, завершающая характеристика становления нового института – его *осознание и самоописание*. Именно здесь формулируется миссия нового института, описываются характерные для него процедуры, создаются институциональные правила, в какой-то форме обсуждаются интересы институциональных сообществ [Розин 2013].

Как уже ставшее социальное образование институт выполняет определённые функции (разрешает социальные проблемы) и устойчиво воспроизводится, а, следовательно, институт выступает способом жизнедеятельности, в какой-то мере осознанным и доступным в смысле освоения его заинтересованными социальными группами. Именно поэтому разработчики подчёркивали, что решение сдавать кровь и реальная практика донорства не должны быть одноразовыми действиями.

Идею донорства как социального института выдвинули разработчики-методологи (Ю. Б. Грязнова, С. А. Малявина), которые отвечали за содержательную и идейную сторону проекта. Выйдя на данную гипотезу, они сделали очень важную часть дела в плане задания донорства как *объекта социального*

⁴ Перечисляемые ниже характеристики брались из работ по анализу социальных институтов, напр. [Малиновский 1998; Марача, Матюхин 2004, 2005; Шмерлина 2008].

проектирования. Вторая часть, которую он сформулировали, – уяснение того, что донорство как социальный институт ещё нужно было сформировать. При этом возникал такой вопрос: на какой идеал социального института необходимо ориентироваться – бывший в СССР или современный, западный?

Проецируя на донорство представления о социальном институте и его становлении, разработчики включили в *принципиальную схему института донорства* следующие составляющие: *органы власти, СПК, общественные организации, регулярные доноры*, а также потенциальные участники института – *первичные доноры и будущие потенциальные доноры*. Чтобы понять, какие факторы могут влиять на принятие решения сдавать кровь, а также вписать институт донорства в культуру (социум), в принципиальной схеме были представлены и другие *институты*, а именно, СМИ, Бизнес, Образование, Религиозные конфессии, различные общественные (не донорские) объединения (схема 1).

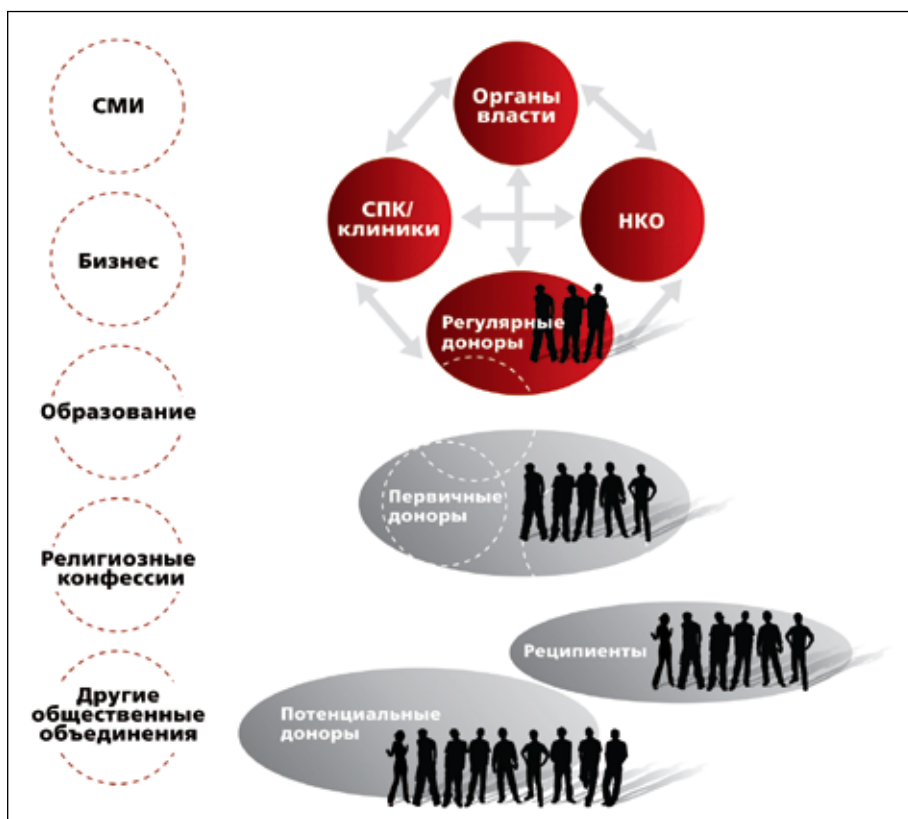

Схема 1. Принципиальная схема института донорства

По сути, эта схема задавала еще одну концепцию социального института – **институт в системе других институтов и в культуре**. Итак, мы имеем три основные концепции и схемы института: институт как ставшее образование (концепции Б. Малиновского, М. Ориу, А. А. Матюхина и В. Г. Марачи), институт как становящееся социальное образование (В. М. Розин) и институт в системе других институтов и в культуре.

Следующей, уже теоретической задачей являлось понимание того, какие реальные связи могут существовать между основными элементами института как системы, и каково содержание самих этих элементов, понимание того, как

превратить намеченную схему в настоящую модель⁵? Для этого сначала было проведено сравнение двух моделей (прототипов) социального института донорства – *мобилизационной* и *общественной*.

Для первой модели характерны следующие особенности. Весь процесс, от пропаганды и рекрутирования до распределения по реципиентам, полностью осуществляется государством в лице министерств и ведомств. Институт донорства регулируется законодательно и финансируется из бюджета. Государство проводит федеральные и региональные кампании по пропаганде, планирует деятельность всех участников и контролирует исполнение необходимых показателей. Такая модель носит мобилизационный характер и часто основывается на идеологических либо политических установках. Донорская активность поддерживается периодическими кампаниями. Мобилизационная модель существовала в Советском Союзе до начала 90-х годов. Сегодня она действует в Китае, ОАЭ и некоторых других странах.

Теперь опишем характеристики общественной модели. Основная работа по привлечению доноров осуществляется общественными организациями. Формы таких организаций могут быть самые разные, однако, все они руководствуются общими правилами и тесно взаимодействуют между собой. Формируются такие организации или объединения, как правило, по территориальному признаку. Другой вариант – вокруг крупных медицинских учреждений, потребляющих много донорской крови и её компонентов. Государство задаёт «правила игры» для общественных организаций, оказывает им необходимое содействие на законодательном уровне. Потребности в донорской крови и её компонентах формируются «на местах» клиниками и местной службой крови, обслуживающей данную клинику, либо несколько клиник. Планы заготовки согласовываются с местными отделениями общественных организаций, а те, в свою очередь, обеспечивают необходимое количество и качество «донаций» (процедур сдачи крови). Хорошо развита «донорская сеть». Донорские НКО понимают, что являются частью системы здравоохранения, поэтому должны обеспечивать эту систему кровью и её компонентами («когда нужно и сколько нужно»). НКО осознаёт свои обязанности по отношению к донорам, службе крови и всей социальной системе государства. Доноры осознают свои обязательства по отношению к больному и обществу. Доноры рассматривают регулярность сдачи крови, как гарантию качества и безопасности.

Девиз НКО – действовать в партнерстве с государством, при его поддержке, но самостоятельно и без ограничений со стороны государства. Основные функции НКО: призыв доноров, обучение доноров, информирование доноров, пропаганда донорства, организация сбора крови, управление донорами, информационное обеспечение, сотрудничество со службой крови в программировании (планировании) потребностей и обслуживания доноров, сотрудничество с клиниками в планировании потребностей, рекрутирование и организация работы волонтеров, разработка системы поощрения и стимулирования доноров и волонтеров, фандрайзинг. Данная модель распространена в Европе и успешно функционирует, например, в Италии.

⁵ Г. П. Щедровицкий и другие методологи показали, что построение схем – только первый шаг и познания, и проектирования. Следующие шаги направлены на превращение построенных схем в модели и проекты (см. [Розин 2011]).

Анализ современной российской ситуации, который провели разработчики проекта, показал, что в настоящее время донорская реальность лучше всего описывается на языке «смешанной модели». В данной модели участвуют и государство, и общественные организации. Служба крови отвечает за общий «банк крови», распределяемый по лечебным учреждениям централизованно и без привязки к локальным клиникам. Сбором и заготовкой компонентов, а также привлечением доноров занимается служба крови. НКО помогают государству, как на национальном, так и на местном уровне. Сегодня в России получает развитие именно эта модель. В Европе похожая система работает в Великобритании. Именно смешанная модель была представлена выше в принципиальной схеме института донорства.

Построение принципиальной схемы института донорства было заслугой методологов. Именно они «положили», задали, как бы сказали проектировщики, *исходный эскиз проектируемого социального объекта* (донорство как институт в системе других институтов и в культуре), *в котором были воплощены ценности и идеалы разработчиков, а также первые характеристики будущего объекта (системы донорства)*. Теперь пришла очередь его конструктивизации, т. е. разработки и конкретизации⁶. Стоит обратить внимание, что эскиз системы донорства описывал не характеристики улучшенной, но существовавшей ранее системы, а принципиально новой системы.

Действительно, реальная ситуация в России с донорством была весьма далека от желаемой, а существовавший в СССР институт, по сути, деградировал. Целью и проектирования, и управления было *создание нового института донорства*, совмещающего в себе лучшие черты отечественного и западного опыта. Но анализ ситуации в 2008 году показал, что основные структурные элементы этого нового института донорства либо отсутствуют вовсе, либо не удовлетворяют в полной мере проектным требованиям. Поэтому была поставлена задача создания нового института донорства и сделаны первые шаги в этом направлении. При этом *процесс институционализации* (становления нового института), как показал опыт работы, включал в себя два основных звена: с одной стороны, *конституирование социального института*, с другой – процессы *самоорганизации*.

Что можно понимать под конституированием института донорства? Это выявление в исследовании и практическое формирование основных единиц нового института и связей между ними. Дело в том, что приведённая выше схема института донорства – только схема, причём, пустая. Её ещё нужно было заполнить реальным содержанием, то есть, таким, которое можно было реализовать в жизни. Заполнение схемы начинается с задания содержания её «мест»⁷. Например, наполнение «места» принципиальной схемы – «СПК» было конкретизировано следующим образом: *«Изучение опыта СПК по работе с донорами. Интеграция с СПК на региональном уровне»*; наполнение «места»

⁶ Эти этапы (эскизирования, разработки и конкретизации, наконец, реализации) рассмотрены в работе «Введение в схемологию. Схемы в философии, науке, проектировании, культуре» [Розин 2011а].

⁷ Различение «мест», структуры и их «наполнений», а также другие категории системно-структурного анализа подробно обсуждается в работах Г. П. Щедровицкого [Щедровицкий 1995: 57–115, 474–481].

«Регулярные доноры» конкретизировано: «Исследование мотивации регулярных доноров, встречи. Формализация мотивации»; наполнение «места» «Органы власти» конкретизировано: «Методические рекомендации: взаимодействие с властью, база контактных лиц в регионах».

Следующий шаг – анализ содержаний «мест», который, в свою очередь, состоит из двух частей: *исследования заданных феноменов* (изучение опыта, исследование мотивации и др., причем даже там, где об исследованиях не упоминается, они имели место) и *выделение определённых действий* (интеграция, встречи и пр.). Понятно, что исследования позволяют получить знания, необходимые для правильных действий, позволяющих создать новые элементы и связи системы донорства.

Например, по статистике ВЦИОМ именно молодежь высказывает наибольшую готовность стать донорами (16-17 лет: 45%; 18-24 года: 43%; 25-34 года: 33%; 35-44 года: 27%; 45-54 года: 22%), и на основе этого знания составлялись соответствующие рекомендации.

Другой пример, касающийся исследования одного из механизмов социального влияния, позволяющего принимать решения (в данном случае решения сдавать кровь), проходящего следующие этапы:

- выделение институционального образца (такой образец может браться как из современного, но другого общества, так и из прошлых общественных организованностей или даже из будущих, футурологически сконструированных);
- принятие этого образца узкой, элитной группой общества, которая знает, что надо делать и берет на себя ответственность за преобразования перед лицом остального общества;
- передача данного образца другой, менее элитной, но более массовой группе, которая закрепляет результаты начатых преобразований и обеспечивает самовоспроизводство института (схема 2).

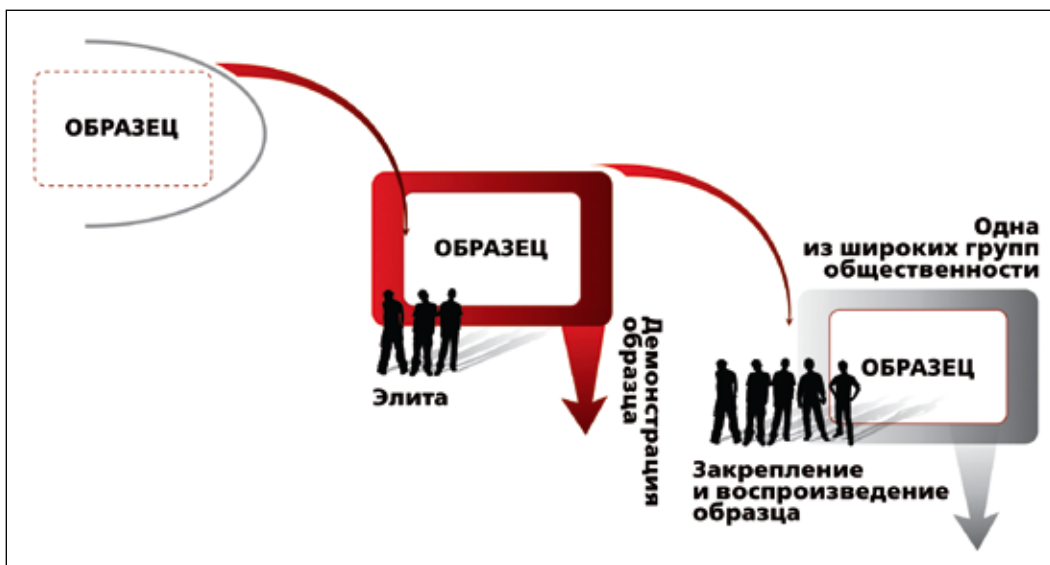

Схема 2. Один из механизмов институционализации

На основе этого исследования были разработаны программа и мероприятия работы со значимыми социальными персонами (известными государственными деятелями, политиками, артистами, ведущими ТВ и пр.), которые пропагандировали донорство и часто сами сдавали кровь.

В целом проведенные методологические и теоретические прикладные исследования позволили разработать и выполнить в 2008-2009 гг. следующие действия (мероприятия):

- детальное информирование населения России о базовой социальной потребности, которую удовлетворяет институт донорства, её масштабах и последствиях в случае невыполнения институтом донорства своих функций;
- формулирование и формирование ценностей института донорства (донорство – норма жизни, донорство – это полезно, донор – здоровый человек и т. п.);
- выявление основных участников института донорства, стимулирование их активности;
- создание стандартов и норм коммуникации, взаимодействия и поведения как внутри отдельных социальных организаций и позиций, так и между ними;
- создание символики и фирменного стиля Службы крови, с которым идентифицируется институт донорства в целом, проведение символических акций (Всероссийская видеоконференция, Форум службы крови, отдельные акции в регионах);
- формирование коммуникации и взаимодействия Службы крови с другими социальными институтами, указанными на принципиальной схеме донорства.
- задание традиционных мероприятий для института донорства.

Стоит обратить внимание на то, что все эти действия реализовывались только в тех регионах, где к переменам была готова инфраструктура (было проведено соответствующее переоснащение станций переливания крови).

Поскольку разработка социального проекта предполагает социальное управление, реализация проекта «Донор» включала такие технологии, как *организация, обучение и настройка сознания*. Как известно, управление – это работа, связанная не только с организацией рабочего процесса (производства в широком понимании), но и с людьми. В последнем случае она в значительной степени сводится к *организации, обучению* и нужной управленцу *настройке сознания* специалистов и пользователей [Голубкова, Розин 2010]. Все три вида управленческих воздействий после соответствующих исследований и были реализованы в проекте «Донор». Например, прошли переподготовку и обучение работники станций переливания крови и клиник, существенная работа была проведена с чиновниками органов власти, чтобы сформировать у них правильное отношение к донорству, практически со всеми участниками проекта шла организационная работа.

Основные социальные технологии, выявленные в ходе исследований, и частично реализованные в ходе реализации проекта, можно свести в следующую таблицу (Таблица 1).

Таблица 1

Технологии и техники в рамках экспертизы

Группы технологий управления сознанием	Конкретные техники управления пониманием
Рефлексивное управление	Идеология
	Реклама и брендинг
	Формирование культурных образцов, в основном через визуальное восприятие (кино и телевидение)
	«Семиотические вирусы»
	Повестка дня и метасюжеты в публичных коммуникациях
Управление знаниями	Новые типы знаний, такие как: навигаторы, тесты, базы данных
	Традиционные типы знания, такие как: научно-теоретические (факты, средства выражения, методики, онтологические схемы, модели, знания, проблемы, задачи), практико-методические, конструктивно-технические
Управление через сообщества и разделяемый ими образ жизни,	Партии
	Общественные движения и организации
	«Клубы по интересам»
	Интернет-сообщества
	Профессиональные ассоциации
Инфраструктурное управление	Молодежные движения
	Гаджеты (как элемент инфраструктуры)
	Социальные инфраструктуры: городские инфраструктуры, здравоохранение, социальная защита, образование, физкультура и спорт, питание, культура и искусство, формы досуга, корпорации, интернет, рынок труда и т.п.
Нормативное управление	Законодательство
	Стандарты (в том числе образовательные, профессиональные, стандарты лечения, бизнес-стандарты)
	Организационные схемы (организационные, документооборот: от стратегий и концепций до отчётности)
	Этические нормы
Обучение и переподготовка	Семинары, тренинги и т. д.

Что собой представляют процессы самоорганизации, то есть, второе звено и сторона процесса институционализации? Это различные изменения (процессы), в том числе встречная деятельность, происходящие в ответ на конституирование социального института (инициируемые конституированием). В данном случае можно указать на два важных процесса: *подключении к процессу становления донорства других институтов*, которые стали активно

поставлять новых доноров или поддерживать начинание, и *развертывание активности групп и сообществ самих доноров*. Обычно становление нового социального института инициирует против него борьбу других институтов, идущую за власть и «социальную территорию» (распространение влияния на потенциальных пользователей). Но институт донорства совершенно особый: он не конкурирует с другими институтами, а напротив, оказался для них привлекательным, поскольку позволял им усиливать собственное социальное значение. Действительно, для бизнеса, СМИ, школы, церкви, ряда общественных объединений участие в донорской работе рассматривается как социальное и гуманитарное служение, усиливающее их собственную миссию.

И сами доноры оказались очень активными: они создавали объединения, пропагандировали донорство, общались на почве донорской практики. Организаторы проекта заложили традиционные мероприятия, такие, как, например, «День донорского совершеннолетия»: в этот день в сентябре студенты второго курса (практически всем уже к этому моменту исполняется 18 лет, и они имеют право по законодательству сдавать кровь) по всей стране устраивали донорские акции у себя в вузах, по итогам таких акций сами студенты становились инициаторами продвижения донорства. Донорство для них стало общим добрым делом, по поводу которого можно было создавать реальную полезную и результативную деятельность. Выяснилось, что многие граждане стремятся к осмысленной социальной деятельности, готовы к социальному служению. Именно этим, например, можно объяснить широкое участие в становлении донорства волонтеров. Многие из них по разным причинам сами не могли стать донорами, но, тем не менее, волонтеры помогали пропагандировать и организовывать сдачу крови.

Проект «Донор» вполне можно считать успешным: россияне пошли сдавать кровь, пошли активно. На втором году реализации проекта В. Уйба писал следующее: «Мы за полтора года сделали очень большой рывок. Если к 2008-му цифра по стандарту число доноров на тысячу населения в стране приближалось к 10, то за полтора года работы в тех субъектах, где мы полностью провели переоснащение учреждений Службы крови, а также работу по возобновлению массового донорства и создали единую информационную службу в учреждениях службы крови, планка поднялась до 40 человек»⁸. А вот, что он пишет в конце четырехлетнего завершения программы: «Самое главное, мы сняли проблему потребности плазмы и крови в клинических учреждениях. За четыре года 87 учреждений службы крови во всех 83 регионах страны плюс 15 федеральных учреждений прошли полное переоснащение по медицинским технологиям и оборудованию. По объективным показателям: объем заготовки крови вырос на 7 %, плазмы – на 6 %. Колоссально вырос объем плазмы, заготовленной аппаратным методом – до 75 %. Понятно, что повышение объемов заготовки компонентов крови возможно только благодаря донорам. Соответственно увеличилось число доноров плазмы – на 11 %. Как следствие в лечебно-профилактических учреждениях по всей стране выросло и потребление плазмы (на 6%). Важным показателем следует считать и то, что сегодня у нас есть сведения по каждому субъекту о количестве и качестве заготовленных компонен-

⁸ В. Уйба рассказал о перспективах проекта. См. сетевой ресурс: <http://www.rian.ru/donors/20090715/188981691.html> (дата обращения 27.06.2019)

тов крови. В случае возникновения чрезвычайной ситуации, можем управлять этими запасами. За счет того, что мы хорошо изучили донорский потенциал в каждом субъекте, мы знаем, на какой резерв мы можем рассчитывать при расчете государственного задания. Это будет актуально, когда начнут работать линии по фракционированию плазмы, и когда запустится Кировский завод «Росплазма» <...> программа будет продолжаться. Донорство не терпит пустоты. Если мы остановим программу, то рано или поздно окажемся в той же ситуации, что сложилась к 2006-07 гг. На 2012 год из бюджета на программу выделяется 5 млрд. рублей. Мы по-прежнему будем переоснащать станции – в 2012 году их 19 (в 8 субъектах РФ). Эти же станции мы будем включать в единую информационную базу. Продолжаем мы и коммуникационную программу по развитию добровольного донорства»⁹.

Успех программы «Донор» не в последнюю очередь был обусловлен участием в команде социального проектирования и управления методологов. Именно они предложили стратегию решения проблемы и осуществляли идейное и методологическое сопровождение социального проекта. Поэтому имеет смысл охарактеризовать основные принципы их работы.

1. Методологическое проектирование, исследование и сопровождение входят органической частью в преобразование сложившейся ситуации и становление интересующего общества феномена.
2. Для целей управления преобразованиями необходимо различать два взаимосвязанных горизонта: собственно *преобразования* как *искусственный план* и *становление феномена* как *план естественный*, причем *преобразования и методологическая работа участвуют в становлении данного феномена*. Так методологическая работа и различные мероприятия, направленные на создание института донорства делали вклад в становление этого института.
3. Особенности и характеристики становящегося феномена (целого) выявляются и определяются на языке методологических схем, и дальше уточняются и доводятся в процессе реализации методологического проекта.
4. Необходимое условие конкретизации и нужного видоизменения методологического проекта – *исследование* подсистем, единиц и отношений становящегося феномена, выявляемых на методологических схемах. Другое условие – *формирование* подсистем, единиц и отношений, заданных методологическими схемами, поскольку «естественные составляющие» становящегося феномена конституируются в целенаправленных преобразованиях (обучении, переобучении, коммуникационных компаниях и прочее).
5. Эффективность методологических схем и проекта обусловлена не в последнюю очередь тем, насколько правильно выявлена социальная проблема, есть ли в обществе потребность в предлагаемых изменениях (например, при реализации проекта «Донор» выяснилось, что у многих россиян существует острая потребность в осмысленных, общественно значимых делах), обеспечено ли методологическое управление и сопровождение.
6. Методологические схемы и знания не могут считаться строгими законченными моделями, их эффективность и моделесообразность выясняются

⁹ См.: <http://www.yadonor.ru/ru/service/interviu/> (дата обращения 27.06.2019)

в процессе реализации методологического проекта. Сама реализация представляет собой итеративный процесс, в ходе которого уточняются и, если нужно, пересматриваются и замысел, и схемы, и проект.

В целом логика действий в рамках данной социальной технологии подчиняется принципу, который можно назвать «принципом смены реальностей и модальностей». Так методологическое проектирование и задание целого (в данном случае донорства как социального института) предполагает «искусственную модальность» и движение в «проектной реальности». В свою очередь, проектирование и методологическая работа опираются, как говорилось выше, на исследования, что означает, смену модальности (с искусственного на естественное) и переход в реальность научного мышления (более широко, в реальность познания, поскольку знания могут быть не только научными, но и опытными). Формирование недостающих единиц и отношений целого – это опять модальность искусственного, но реальность теперь другая, а именно, реальность «практического действия». Однако, поскольку формирование, также как, и вообще, методологическое управление процессом становления института донорства входят в это становление и поэтому могут изучаться, в частности, в целях коррекции исходных схем, установок и целей, постольку одновременно имеет место модальность естественного и реальность становящегося целого (института донорства).

Особо стоит обсудить аксиологическую сторону задания целого. В данном конкретном случае для всех были очевидны положительные ценности восстановления института донорства. Для больных – это надежда на спасение жизни и излечение. Для врачей донорская кровь – совершенно необходимое средство и ресурс их профессиональной деятельности. Для доноров сдача крови – одно из условий реализации личности и социальной идентификации (помогаю ближнему, жертвую свою кровь на благое дело, поэтому ощущаю единство с другими людьми и соотечественниками, и прочее). Для общества донорство, как массовое движение – свидетельство его консолидации и единения.

Но значительно чаще абсолютная положительная ценность намечаемых социальных изменений не проглядывается, хотя возникают разные соображения, свидетельствующие о возможных негативных последствиях. Например, методологическая группа (Ю. Б. Грязнова и С. А. Малявина) в Минздравсоцразвития России вела и второй проект – «Здоровый образ жизни». Что в данном случае можно считать целым? Только ли такое поведение человека, когда он не пьёт, не курит, не колется? Очевидно, нет. Может быть, тогда, такое поведение, когда человек критически относится к ценностям и образу жизни техногенной цивилизации, предпочитая машинам и дачам велосипед и отдых в палатке? Однако, каким образом можно жить в обществе, ориентированном на технику и потребление, игнорируя последние? Или такое обстоятельство: что хорошо для одних, не подходит для других, правильная, здоровая жизнь для одного не означает то же самое для другого.

Может ли в этом случае методолог решать за других, как им жить, и что значит здоровый образ жизни? Думаем, нет. В задании целого, вероятно, должны участвовать в рамках своей компетенции не только специалисты, но и основные заинтересованные лица. Это, во-первых, отдельный человек, во-вторых, в целом общество, в-третьих, ведомства и сферы, так сказать, специализирующиеся на здоровье (система здравоохранения, физическая культура и спорт, об-

разование и др.). Проблема, однако, в том, что все эти субъекты не имеют согласованного, а часто, вообще, осмысленного (с точки зрения, современных вызовов и знаний), понимания того, что такое «здоровая, правильная жизнь».

Здоровье – сверхсложный феномен, вклад в который делают и различные социальные практики, и социальная среда, и активность, отношение к своей жизни и здоровью самого человека. Новое понимание здоровья сегодня только-только устанавливается. Его, вероятно, нельзя сформировать и выстроить как здание. Оно может только сложиться, прорасти, но не без наших с вами усилий. Составляющие этих усилий – широкое обсуждение в обществе проблем здоровья и не только здоровья, но и правильной жизни, а также социальности, ее смысла; создание концепций и на её основе дисциплин, позволяющих по-новому увидеть здоровье и действовать практически; выработка культурной политики, способствующей становлению новой реальности здоровья, консолидирующей всех заинтересованных субъектов; подготовка специалистов и помощников, которые бы инициировали, запустили и поддерживали трансформации основных практик и концептуализаций здоровья [Розин 2011б].

Библиография

- Голубкова, Розин 2010 – Голубкова Л. Г., Розин В. М. Философия управления. Йошкар-Ола: МТГУ, 2010.
- Луков 2006 – Луков В. А. Гуманитарная экспертиза: от теории к практике. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnaya-ekspertiza-ot-teorii-k-praktike> (дата обращения 21.09.2019).
- Малиновский 1998 – Малиновский Б. Научная теория культуры. Москва: ОГИ, 1998.
- Марача, Матюхин 2006 – Марача В. Г., Матюхин А. А. Методологические проблемы изучения и формирования политико-правового пространства. Часть 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fondgp.ru/old/lib/mmk/36.html> (дата обращения 27.06.2019).
- Мирзоев 2011 – Мирзоев С. Б. Институциональная коррупция. Доклады на семинаре. 18.02.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/seminar> (дата обращения 27.06.2019).
- Платон 1994 – Платон. Законы / Собр. соч. в 4 т. Т. 4. Москва: Мысль, 1994. С. 71–438.
- Розин 2009 – Розин В. М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. Москва: ЛИБРОКОМ, 2009.
- Розин 1993 – Розин В. М. Опыт разработки политики в отношении аборигенного населения (По материалам экспедиции Обская панорама) // Полис. Политические исследования. 1993. № 5. С. 127–134.
- Розин 2016 – Розин В. М. Развитие и воспитание человека в пространстве индивидуальной и социальной жизни. – Москва; Тверь: СФК-Офис, 2016.
- Розин 2017а – Розин В. М. Возобновление методологии: Открытые письма, адресованные последователям Московского методологического кружка. Москва: ЛЕНАНД, 2017.
- Розин 2017б – Розин В. М. О возможности построения гуманитарной технологии // Идеи и идеалы. 2017. № 1. С. 9–22.
- Розин 1986 – Розин В. М. Природа и особенности социального проектирования (от замысла к реализации) // Социальное проектирование в сфере культуры: Методологические проблемы. Москва, 1986.
- Розин 1984 – Розин В. М. Проектирование как объект философско-методологического исследования // Вопросы философии. 1984. № 10. С. 18–25.

- Розин 2013 – *Розин В. М.* Становление и особенности социальных институтов. Культурно-исторический и методологический анализ. М., 2013.
- Розин 2011a – *Розин В. М.* Введение в схемологию. Схемы в философии, науке, проектировании, культуре. Москва: URSS, 2011.
- Розин 2011б – *Розин В. М.* Концепция здоровья. Москва: МГМСУ, 2011.
- Розин, Малявина, Грязнова 2010 – *Розин В. М., Малявина С. А., Грязнова Ю. Б.* Социальный проект как один из инструментов управления социальными процессами (на материале проекта «Донор») // *Философия управления: проблемы и стратегии.* ИФ РАН. Москва, 2010. С. 169–195.
- Фуко 1996 – *Фуко М.* Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. Москва: Касталь, 1996.
- Шмерлина 2008 – *Шмерлина И. А.* Понятие «социальный институт»: анализ исследовательских подходов // *Социологический журнал.* 2008. № 4. С. 53–69.
- Щедровицкий 1995 – *Щедровицкий Г. П.* Избранные труды. Москва: Шк. Культ. Полит., 1995.

References

- Golubkova, Rozin 2010 – *Golubkova L. G., Rozin V. M.* Philosophy of Management. Yoshkar-Ola: MTGU, 2010. In Russian.
- Lukov 2006 – *Lukov V. A.* Humanitarian expertise: from theory to practice. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnaya-ekspertiza-ot-teorii-k-praktike> (accessed September 21, 2019). In Russian.
- Malinovsky 1998 – *Malinovsky B.* Scientific Theory of Culture. Moscow: OGI, 1998. In Russian.
- Maracha, Matyukhin 2006 – *Maracha V. G., Matyukhin A. A.* Methodological problems of the study and formation of the political and legal space. Part 1. [Electronic resource]. URL: <http://www.fondgp.ru/old/lib/mmk/36.html> (accessed 27.06.2019). In Russian.
- Mirzoev 2011 – *Mirzoev S. B.* Institutional corruption. Reports at the seminar. 02/18/2011. [Electronic resource]. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/seminar> (accessed 27.06.2019). In Russian.
- Plato 1994 – *Plato.* Laws / Coll. Works in 4 t. T. 4. Moscow: Thought, 1994. P. 71–438. In Russian.
- Rozin 2009 – *Rozin V. M.* Discourse features and research patterns in the humanities. Moscow: LIBROCOM, 2009. In Russian.
- Rozin 1993 – *Rozin V. M.* Experience in developing policies in relation to the native population (Based on materials from the Ob Panorama expedition) // *Polis. Political research.* 1993. No. 5. P. 127–134. In Russian.
- Rozin 2016 – *Rozin V. M.* The development and education of man in the space of individual and social life. Moscow; Tver: SFK-Office, 2016. In Russian.
- Rozin 2017a – *Rozin V. M.* Renewal of the methodology: Open letters addressed to the followers of the Moscow methodological circle. Moscow: LENAND, 2017. In Russian.
- Rozin 2017b – *Rozin V. M.* On the possibility of building humanitarian technology // *Ideas and Ideals.* 2017. № 1. P. 9–22. In Russian.
- Rozin 1986 – *Rozin V. M.* Nature and features of social design (from concept to implementation) // *Social design in the field of culture: Methodological problems.* Moscow, 1986. In Russian.
- Rozin 1984 – *Rozin V. M.* Design as an object of philosophical and methodological research // *Questions of Philosophy.* 1984. №. 10. P. 18–25. In Russian.
- Rozin 2013 – *Rozin V. M.* Formation and features of social institutions. Cultural-historical and methodological analysis. Moscow, 2013. In Russian.
- Rozin 2011a – *Rozin V. M.* Introduction to circuitry. Schemes in philosophy, science, design, culture. Moscow: URSS, 2011. In Russian.
- Rozin 2011b – *Rozin V. M.* The concept of health. Moscow: MGMSU, 2011. In Russian.

- Rozin, Malyavina, Gryaznova 2010 – *Rozin V. M., Malyavina S. A., Gryaznova Yu. B.* A social project as one of the tools for managing social processes (based on the material of the Donor project) // *Management Philosophy: Problems and Strategies*. IFRAN. Moscow, 2010. P. 169–195. In Russian.
- Foucault 1996 – *Foucault M.* Will to the truth. Beyond knowledge, power and sexuality. Moscow: Castal, 1996. In Russian.
- Shmerlina 2008 – *Shmerlina I. A.* The concept of “social institute”: analysis of research approaches // *Sociological Journal*. 2008. № 4. P. 53–69. In Russian.
- Schedrovitsky 1995 – *Shchedrovitsky G. P.* Selected Works. Moscow: School Cult. Polit., 1995. In Russian.